

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Л. Пикард

ВИКТОРИАНСКИЙ ЛОНДОН. ОБРАЗОВАНИЕ

Перевод В.С. Кулагиной-Ярцевой

Аннотация: Школы для бедных — одно из достижений викторианской эпохи. Куинтин Хогг — один из учителей-практиков. Главным итогом обучения в школах для бедных было превращение не могущих работать юных дикарей в благонравных молодых людей с элементарными социальными навыками, самоуважением и возможностью покинуть единственный знакомый им мир, мир преступления и бедности. Для взрослых работающих людей, не реализовавших свои интеллектуальные возможности, существовали бесчисленные вечерние занятия и образовательные учреждения, например, Лондонский институт механики, основанный в 1823 году. Если не было денег на посещение лекций, в Лондоне можно было найти много способов заняться самообразованием.

В 1841 на Пэлл-Мэлл открылась Лондонская библиотека, которая спустя четыре года переехала в свое теперешнее здание на Сент-Джеймс-сквер. Лондонская библиотека остается прекрасным примером всего лучшего, что было в викторианской учености.

Ключевые слова: педагогика, школы для бедных, Куинтин Хогг, еврейская бесплатная школа, англиканские школы, публичные школы, вечерние занятия, Политехнический институт, система старост, лондонская библиотека.

Picard, L. Victorian London. The Life of a City 1840-1870, Weidenfeld & Nicolson. — London, 2005.

Школы для бедных — Куинтин Хогг — Союз школ для бедных — школы в рабочих домах — англиканские и диссидентские школы — система старост — практиканты — Маттью Арнолд — педагогические институты — еврейская бесплатная школа — масонские школы — обучение ремеслу — школа лондонского сити — публичные школы — вечерние занятия — Политехнический институт — образование девочек — Библиотека Мьюди с выдачей книг на дом — лондонская библиотека — Лондонский университет.

По мнению добропорядочных граждан, образование должно было стать панацеей от лондонских бедствий. Посещение Хрустального дворца могло прибавить — или не прибавить — рабочему сведений по истории человечества, но существовали и другие способы превратить трудящихся в хорошо информированных и благонравных граждан. Самое главное было начать смолоду.

Школы для бедных — одно из наименее известных достижений викторианской эпохи. Оборванных детей, полуголых и кишящих паразитами,

одевали и кормили, обучали их элементарным школьным навыкам, не говоря о трех обязательных предметах и религии, вместо того, чтобы оставить их мучиться в трущобах. Школы для бедных подвергались критике, и, действительно, нам их религиозный характер не вполне близок; но вместо того, чтобы смотреть с нашей точки зрения, следует учесть обстановку до их появления. У детей бедняков не было возможности научиться чему-нибудь, кроме как нищенствовать и совершать преступления. Никто не заботился о благополучии этих детей, кроме пугающих надзирателей рабочих домов. Полиция была против того, чтобы давать им образование: «мы учим воров тащить самые дорогие вещи»¹.

Некоторые из учителей были обычными людьми, делавшими все, что в их силах, с помощью подручных средств. Первым был Роберт Рейкс в Глостере, открывший в 1783 году воскресную школу с целью дать бедным детям начальное религиозное образование и выучить их читать, чтобы они могли пользоваться Библией. Джон Паундс, портсмутский сапожник, приглашал бедных детей играть со своим племянником-калейкой и к 1818 году выучил читать тридцать или сорок из них. Куинтин Хогг,

¹ Thompson E. P., Yeo Eileen (eds). The Unknown Mayhew – Selections from the Morning Chronicle of 1849-50. London, 1971.

бывший студент Итона, четырнадцатый ребенок и седьмой сын сэра Джеймса Хогга, был отдан в обучение городскому торговцу чаем и спокойно жил дома на Карлтон-гарденс:

Первой моей попыткой было предложить двум метельщикам улиц, которых я нашел на Трафальгар-сквер, выучить их читать. В то время набережной Темзы еще не существовало, и арки Адельфи были доступны и для прилива, и для улицы. С пустой пивной бутылкой в качестве подсвечника, сальной свечей... и несколькими Библиями в качестве книг для чтения... мы некоторое время были погружены в чтение, как вдруг я заметил мерцающий свет. «Полиция», — крикнул один из мальчиков на жаргоне-перевертыше кокни, задул свечу и удрал вместе со своим приятелем.

Хогг убедил полицейских, что он не злодей, и решил добавить жаргон-перевертыш кокни к греческому и латыни, усвоенным в Итоне. Он не понаслышке узнал, как живут бедняки, переодевшись чистильщиком сапог и находя ночлег, где удавалось. В 1863 году, когда ему было восемнадцать, он снял комнату в Оф-Эли (отходящей от Вильерс-стрит; существовало несколько улиц, названных в честь предыдущего владельца этого места, Джорджа Вильерса, герцога Бекингемского, из которых Оф-Эли была самой маленькой) и устроил школу для бедных, которой руководила учительница. Он сидел у себя в уютном доме на Карлтон-гарденс, когда из школы в Оф-Эли раздались отчаянные призывы. Когда он пришел туда, то увидел, что вся школы в волнении, газовая аппаратура выломана и используется мальчиками в качестве дубинок против полисменов, а остальные швыряют в полисменов грифельными досками... Я встревожился судьбой учительницы и двинулся в темную комнату, крикнув мальчикам, чтобы они немедленно прекратили драку и замолчали. К моему изумлению, мятеж тут же прекратился.

С этих пор он сам контролировал школу. Каждый вечер в течение двух уроков, по полтора часа каждый, он обучал одновременно два класса по тридцать мальчиков, сидя на спинке скамьи. Те, кто сидел перед ним, учились читать, другие, когда он поворачивался, учились писать или считать, и он полагал, что ученики внимают его десятиминутным религиозным проповедям в конце каждого урока. Он заручился поддержкой нескольких своих друзей по Итону и коллег

по работе. За три года школа разрослась до двух классных комнат и отдельного «ночлежного дома» для бездомных детей.

Систему Хогга можно характеризовать как «практическую». Он поддерживал дисциплину итонскими методами. Собственноручно брил головы вшивых мальчиков и отмывал их с головы до ног. (Он делал больше, чем миссионеры лондонского Сити, которые прогоняли детей, если они «буквально кишели паразитами»)². У некоторых мальчиков совсем не было одежды. Пятеро пришли в школу, завернутые лишь в материнские шали. Тем больше их заслуга, каковы бы ни были их мотивы. Какая-то одежда и еда и не нужно оплачивать счета за газ для освещения.

Одна из сестер Хогга взялась вести класс для девочек и женщин. Девочки были такими же необузданными, как и мальчики — они входили в комнату «колесом», иногда за ними по пятам шла полиция³. Леди Фредерик Кавендиш столкнулась с тем же, пытаясь обучать класс девочек в воскресной школе при церковном приходе Сент-Мартин-де-Филдс. «Я была сбита с толку безразличием и болтливостью моих бледненьких девиц-кокни... шум стоял ужасный, меня не было слышно, так что начало можно назвать неудачным». Она совершила еще попытку, и ее «довели до белого каления восемь буйных оборванцев-мальчиков»⁴.

Многие учителя были принявшими постриг христианами, работавшими для церковных организаций, таких как Миссия лондонского Сити (основанная в 1835) Самая большая школа Миссии была открыта в 1846 году и находилась на площади Клеркенуэлл-Грин. К 1850 там была бесплатная дневная школа, которую ежедневно посещали 160 человек, вечерняя школа, в которой училось около 100 человек, школа для маленьких детей, где ежедневно присутствовали 60 детей, и воскресная школа, которую посещали около 155 человек⁵. Некоторые школы находились в опасных преступных районах, как, например, школа, в Спитлфилдсе, открытая в 1853, ее посещали 350 детей в возрасте

² Vanderkiste R.W. A Six Years Mission Among the Dens of London. London, 1854.

³ Большая часть этой информации почерпнута из книг: Hogg Ethel M. Quintin Hogg. A Biography. London, 1904, и Wood Ethel M. A History of the Polytechnic. London, 1965.

⁴ Baily John (ed.). The Diary of Lady Frederick Cavendish. London, 1927.

⁵ Vanderkiste, op. cit.

от четырех до пятнадцати лет⁶. Некоторые школы превратились в довольно большие учреждения. В одной из школ Уэст-Энда насчитывалось до 400 учащихся, каждый из которых ежедневно получал обед⁷.

Государство не преследовало иных целей, кроме «производственного обучения», обычно портновскому ремеслу или сапожному делу для мальчиков, с этой целью выделялась небольшая субсидия для нескольких школ. Но всегда ли такое обучение было хорошо? Невозможно было в условиях школы для бедных обучить мальчика до высокого уровня мастера-портного. Если даже он выучивался настолько, что мог кое-как прожить на заработок, ему переходили дорогу лучше выученные подмастерья. Девочек учили шить и вязать, что кажется слишком узкой сферой обучения; возможно, девочек могли научить этому и дома? Нет, это было достижением школы. Невозможно представить себе жизнь на самом дне, там, откуда школа черпала пополнение. Матери этих детей *не умели* шить и вязать, потому что, в свое время, их никто этому не научил. Поэтому изображения детей, одетых в остатки поношенной, рваной одежды вовсе не вольность художника. Одежду можно было бы сохранить, если вовремя зашить и заштопать, — но никто этого не делал. Бедняки не умели этого, если только им кто-нибудь не показал⁸.

Многие дети высоко ценили возможность посещать школу для бедных, не меньше, чем мы ценим выигрыш в лотерею. Одна девочка начала зарабатывать себе на жизнь с десяти лет в качестве няни для ребенка, ей платили 1 шиллинг 6 пенсов в неделю «со своим чаем», она работала по двенадцать часов в день — но дважды в не-

делю она уходила на час раньше и шла в школу для бедных⁹. Мальчик, который зарабатывал на жизнь тем, что продавал птичьи гнезда, говорил Мейхью: «Я хожу в школу для бедных три раза в неделю, если удастся... Я хотел бы научиться читать»¹⁰. Жизнь детей не была сплошь мрачной. Ипполит Тэн встретил пастора, «который имел обыкновение брать группы детей из школ для бедных на целый день за город. Однажды он взял с собой 2000 детей... эта прогулка обошлась примерно в 100 фунтов, собранных добровольно по подписке»¹¹. Бывший ученик вспоминает, что «большинство мальчиков было ворами... после того, как мы в девять вечера уходили из школы некоторые из дурных мальчиков шли воровать... учитель был очень добр к нам. Нам устраивали чаепития, показывали волшебный фонарь, чтобы мы сидели тихо...»¹². Иногда бывали уроки пения и рисования и «истории о путешествиях»¹³.

В 1844 году девятнадцать школ для бедных объединились в Союз школ для бедных, президентом которого стал лорд Шафтсбери. Это придало движению больший вес и привлекло общественность и фонды. В первый год существования Союз создал список детей, которыми собирался заниматься:

1. Дети осужденных, сосланных на каторгу.
2. Дети осужденных, сидящих в тюрьме в Англии.
3. Дети воров, не находящиеся под опекой.
4. Дети попрошайек и бродяг
5. Дети никчемных и пьющих родителей.
6. Пасынки и падчерицы, которые из-за пренебрежения и жестокого отношения зачастую начинают бродяжничать.
7. Дети тех, кто подходит для работного дома, но живет полукриминальной жизнью.
8. Дети достойных родителей, слишком бедных, чтобы платить за школу или одежду детей, что делает невозможным посещение обычной школы.
9. Сироты, одинокие дети и сбежавшие из дома, живущие за счет подаяния и воровства.
10. Подростки из работного дома, оставившие его и ставшие бродягами.

⁶ Mayhew, Vol. IV.

⁷ Hollingshead John. Ragged London in 1861. London, 1861.

⁸ Единственные дети в лохмотьях, которых мне довелось видеть, были дети в Мьянме (ранее Бирма). Те, кто носил местную одежду — того же покроя, что саронг — выглядели прекрасно. Их запахивающаяся одежда была подходящей для климата, легко подгонялась по росту, была удобной и — не думаю, что их это хоть сколько-то беспокоило — шла им. Оборванные дети носили одежду, подаренную западными благотворительными обществами, например футболки с рекламой каких-то невообразимых футбольных команд, слишком теплые и неподходящие — но высоко ценимые и носимые до тех пор, пока не разваливались на куски. Их можно было бы зачинить, но никто не умел. По-моему, пользу из подобных пожертвований извлекали сами филантропы, успокаивая свою совесть и избавляясь от ненужного хлама.

⁹ Davies M.L. Life as We Have Known It. London, 1931.

¹⁰ Mayhew, Vol. II.

¹¹ Hyams Edward (ed.) Taine's Notes on England. London, 1957.

¹² Mayhew, Vol. II.

¹³ Cornwallis Caroline. The Philosophy of Ragged Schools. London, 1851.

11. Подростки, занимающиеся уличной торговлей, помощники конюхов и чернорабочих, у которых нет другой возможности выучиться.
12. Девочки-лоточницы, работающие на жестоких и никчемных родителей.
13. Дети бедных католиков, которые не возражают, чтобы их дети читали Библию.

Список похож на какие-то конкурсные требования; но, скорее всего, на практике любого ребенка, попадавшего в школу для бедных и имевшего желание учиться, встречали радушно. К 1861 году существовало 150 дневных школ, включенных в Союз, где училось около 20 000 детей и бесплатно преподавали 2000 учителей¹⁴, а также 207 воскресных школ, где обучалось еще 25 000 детей. Почти в каждой школе, начиная с 1849 года, существовал «пенни-сейвинг-банк», сберкасса для мелких вкладов — еще одно нововведение¹⁵. К 1869 в Союзе было 195 школ. Это был расцвет движения, которое распалось после Образовательного акта 1870 года, учреждавшего финансируемые государством пансионы. Один из современников говорит: «в Англии было бесплатное школьное обучение для всех, кто этого хотел»¹⁶. Религиозное обучение, лежавшее в основе образования в школе для бедных, могло бы само послужить образцом единения ряда вероисповеданий; англикане и диссентеры объединились, чтобы последовать «великому стремлению в груди каждого человека, давнему желанию доброты от нашего ближнего и радости обнаружить его»¹⁷. Немногим из этих детей доводилось часто сталкиваться добротой.

Действительным достижением этого движения за тридцать лет было не обучение кое-как читать, не религиозные знания и не производственное обучение. Это было превращение не могущих работать юных дикарей в благонравных молодых людей с элементарными социальными навыками, самоуважением и возможностью покинуть единственный мир, который был им знаком, мир претупления и бедности.

В рабочих домах давали какое-то образование несчастным детям, которым не удалось ускользнуть от бидлов. «Если учитель не живет

в рабочем доме и не получает там удовольствия, попечители должны платить учителю 15 фунтов... [Учитель, живущий в рабочем доме] должен иметь соответствующие прилично обставленные комнаты [и] удовольствие, такое же... каким снабжают надзирателя рабочего дома». Если инспектор обнаруживает, что в школе рабочего дома нет «необходимых книг и оборудования, попечители должны его предоставить»¹⁸. Это звучит как совет, который невозможно выполнить; некоторые школы в рабочих домах никогда не достигали стандартов, которых требовал Маттью Арнолд в качестве одного из инспекторов школ Ее Величества. Некоторые рабочие дома отдавали детей школьного возраста в Школу центрального района Лондона для бедных детей в Хануэлле, известную как «Гигантская школа» из-за своих размеров — там было 1000 приходящих учеников. Тем, у кого было «усердие, умение, навыки и добрый нрав», могли там учиться пять лет в качестве практикантов¹⁹.

Выше школ для бедных по финансовому и социальному уровню стояли школы, руководимые Обществом народных школ и Обществом британских и зарубежных школ. Общество народных школ было англиканским. В народных школах дети получали большую порцию религии, чем в школах для бедных, они должны были знать литургию и катехизис. Общество британских школ было диссидентским, по большей части, веслианским, и его школы учили «полезному знанию» и основам христианства.

Любопытно, что все общества одновременно стали применять «систему старост», когда учитель обучал чему-то избранных учеников («старост»), которые затем передавали ее дальше, каждый группе учеников, которые, в свою очередь... Джон Ланкастер, учредивший Общество британских школ, руководил школой в Бороу, Саутуорк, обучая 1000 детей с помощью 60-70 старост. Возможно, на бумаге это казалось осуществимым, к тому же, безусловно, было дешево, но такие «отрывочные» уроки продолжались только пятнадцать минут, и вероятность «испорченного телефона» была огромной²⁰. Система старост, или «ланкастерская»

¹⁴ Hollingshead, op. cit.

¹⁵ Smiles Samuel. Workmen's Earnings, Strikes and Savings. London, 1861.

¹⁶ Bennett A.R. London and Londoners in the 1850 and 60s. London, 1924.

¹⁷ Cornwallis, op. cit.

¹⁸ Arnold Matthew. Report on Elementary Schools 1852-82. London, 1908

¹⁹ Kay-Shuttleworth James. Four Periods of Public Education. London, 1862. Историю мальчика из рабочего дома, ставшего учителем, см в главе 7.

²⁰ Burnett John (ed.) Destiny Obscure. London, 1982.

система, в 1846 году была заменена соответствующим образом обученными учениками-практикантами. Ими становились самые способные из учеников класса, но иногда им было не больше восьми лет.

Начиная с 1852 года во всех начальных школах, включая школы в рабочих домах и частные школы, проводилась ежегодная проверка, которую осуществляли назначаемые правительством инспекторы. Народные школы, принадлежавшие англиканской церкви, инспектировались посвященным в духовный сан лицом. Все остальные школы, включая еврейские и веслианские, инспектировались мирянином, таким как Маттью Арнолд, чьи ежегодные доклады представляют собой захватывающее чтение²¹.

Веслианцы брали с каждого ребенка от 2 до 8 пенсов в неделю, что означает, что их ученики происходили не из бедняков, а из нижнего слоя среднего класса. Арнолд часто сетовал: «Нет других детей, которым бы так потакали, которых растили бы, по большей части, без всякой дисциплины, то есть без привычки к уважению, точному повиновению и самоконтролю, как дети из нижнего слоя среднего класса». Он настаивал, чтобы «в школах декоративное рукоделие было запрещено» и заменено простым шитьем, которому родители не выучили своих дочерей. Система учеников-практикантов, которая во многом была лучше системы старост, охватывала преимущественно девочек, поскольку «сфера их использования гораздо уже, чем у мальчиков, которые могут много зарабатывать и зарабатывают с ранних лет, так что родители не разрешают им становиться учениками-практикантами из-за теперешних размеров их заработка». Арнолд сожалел о недостаточном изучении норм грамматики и синтаксиса и настаивал на том, чтобы стихи и отрывки прозы заучивались наизусть. Книжки для чтения «должны пробуждать... у учеников подлинную любовь к чтению» — в отличие от ерунды, которая им дается, включая такие полезные «перлы» как «крокодил — живородящее животное» и, в качестве поэзии тошнотворное стихотворение об Англии:

Ее мужи отважны,
А женщины — бесстрашны.
Ради ее спасенья
Я с радостью умру...
(перевод Г. Шульги)

(Бедный Арнолд, ему приходилось читать эту чепуху, тянувшуюся еще три четверостишия, а ведь вместо нее дети могли бы заучивать его собственные превосходные стихи.) Он цитирует два письма, написанных детьми, одно — ребенком из публичной начальной школы — прелестное, простое и грамматически правильное, — и другое, от мальчика из частной школы для детей среднего класса, весьма напыщенное: «... и время бежало быстро, поскольку мои нерешительные прощальные шаги раздавались уже за порогом того дома, благосклонность и нежность которого к своей временной утрате учили меня ценить его все больше и больше...» Арнолд подвергал критике экзаменационную систему. Ребенок мог сдать экзамен, выучив наизусть книгу и все же не выучившись читать. «Ребенок, никогда не слышавший о Париже или Эдинбурге, будет рассказывать вам о размерах Англии в длину и в ширину, пока язык не устанет. Я знаю класс, в котором могут изложить историю Англии... начиная с высадки римлян до правления короля Эгберта... но только один из них слышал о битве при Ватерлоо».

Педагогическим институтом, учрежденным Обществом британских школ в Саутварке, Арнолд был доволен. «Отличительная черта этого заведения, как мне кажется, это дух активного внимания». Но он возвращается к своему коньку в образовании женщин: «Учительницы вынуждены тратить время в прачечной, пекарне и т.п. ...в этом среднем классе девушки вырастают с достойным сожаления отсутствием знаний... по домоводству, но не тех знаний, за которыми родители посылают их в школу...» К 1861 году там была «действительно, прекрасная» прачечная — он пришел в восторг, когда принимал ее — и «кухня для занятий, уже оборудованная, но еще не действующая». К тому времени там были два института, для учителей и для учительниц. К 1870 году у мужчин был гимнастический зал, а женщины должны были довольствоваться ритмической гимнастикой.

В 1843 году Общество народных школ открыло педагогический институт в Баттерси. Программа была устрашающей. Учителя вставали в 5 утра, работали в саду с 6 до 7 и до завтрака, который был в 8, в течение часа занимались такими предметами, как история церкви. Затем их время делилось, по полчаса, между музыкой, механикой, Священным писанием, устным счетом, химией, математической географией (?),

²¹ Arnold, op. cit.

геометрией, декламацией, алгеброй, грамматикой, каллиграфией и рисованием, с сорокапятиминутным перерывом на обед в середине дня и таким же перерывом на ужин. После часовой молитвы они ложились спать в 10. Суббота являла собой приятную перемену: две контрольные работы, каждая на полтора часа, и час «работы по хозяйству». Средний возраст студентов был двадцать два года, и они обычно обучались в течение двадцати одного месяца. Наверное, из всех двадцатидвухлетних жителей Англии они были самыми образованными²².

***

Вполне возможно читать описания викторианской жизни и не подозревать о существовании замечательных школ, учрежденных евреями и франкмасонами. Еврейская бесплатная школа, обычно известная как JFS (Бесплатная еврейская школа), открылась в 1817 году около Петтикоутлейн в Ист-Энде²³. Несмотря на название, она стоила ученику 1 пенс в неделю, но ребенка, который не мог принести пени, никто не отправлял домой. К 1822 году она предлагала «религиозное, нравственное и практическое образование» 600 мальчикам и 300 девочкам. Младших детей учили писать и считать на подносах с песком, разглаженным утюгом, на которых они выводили буквы и цифры пальцами. Только овладев этими навыками, они переходили к грифельной доске.

Образование девочек велось с уклоном в домоводство. Маттью Арнолд, который каждый год инспектировал эту школу, был высокого мнения о Мозесе Энджеле, возглавлявшем JFS с 1842 по 1897. Должно быть, у них было много общего. Точка зрения Энджела состояла в том, что «любая молодая женщина только выиграет от умения штопать, мыть, чистить, полировать и готовить. Ни одну леди не посрамит, если она сумеет понять, когда подобная работа выполнена хорошо». У девочек была возможность заниматься тем, что составляло «пунктик» Арнолда, а именно, «декоративным рукоделием», но при этом их учили вязать, шить простые вещи и одежду для себя.

Энджел был удивительным человеком. Он был одаренным учеником Университи-Колледж-

Скул, его будущее казалось гарантированным, но в 1839 его отца Эммануэла, известного как «Денежный Мозес», и сестру Эллис обвинили в заговоре с двумя другими людьми с целью украсть золото ценой в 4 600 фунтов. Всех четверых судили в Олд-Бейли и признали виновными, процесс был сенсационным. Эллис была приговорена к четырем месяцам каторжных работ, а отец отправлен на четырнадцать лет в Австралию, где он умер вскоре после прибытия, в 1841 году. Примерно в то же время Энджел, которому исполнилось 22 года, был принят на работу в JFS и одновременно стал английским редактором только что созданной газеты «Джуиш Кроникл». Вскоре он становится главой школы с жалованием 140 фунтов в год — неплохая сумма для школьного учителя в то время.

Энджел был сторонником строгой дисциплины, заставлял учителей и учеников приходить минута в минуту, но наказание, как правило, ограничивалось выговором. Учителям дозволялось «слегка стукнуть, но не пороть». Он тщательно вел журнал, в который ежедневно записывал события из жизни школы:

В 5 часов мать Шваба из 6 класса устроила скандал из-за того, что ее сын был оставлен после уроков. Поскольку она не унималась, я приказал привратнику вывести ее из здания. Он пытался сделать это, но она набросилась на него и укусила так, что обильно пошла кровь, и употребляла скверные слова, адресованные ему и мне. В конце концов, я отпустил мальчика и велел ей больше не присылать его в эту школу. Она какое-то время продолжала ругаться и сквернословить, и к ней присоединилась ее дочь, тоже очень несдержанная.

Мозес Энджел обладал феноменально широкими знаниями и мощным педагогическим и лидерским даром. Он обучал школьников разных классов целому ряду предметов, в том числе, чтению, письму, грамматике, географии, истории Англии с самого раннего периода до настоящего времени, частично греческой и римской истории, арифметике, включая «извлечение квадратного корня», алгебре и химии, а также лично обучал практикантов идишу, латинскому, французскому языкам и литературе после целого дня преподавания. Возможно, иногда он был несколько нетерпим. В своем докладе Избранному парламентскому комитету он характеризует учителей воскресных школ как «узких, нетерпимых сектан-

²² Lawson John. A Social History of Education in England. London, 1973.

²³ Black Gerry, J.F.S. The History of the Jews' Free School since 1732. London, 1998.

тов, неспособных постичь то вселенское милосердие и сочувствие, которыми проникнута любая подлинная религия, поскольку они умышленно слепы к любому нравственному совершенству за пределами их собственного вероисповедания». Его учеников учили иудаизму с «вселенским милосердием».

Он придавал большое значение наградам и импровизированным пикникам. Однажды в августе 1845 он взял самых достойных мальчиков в Британский музей, затем отвел их через реку в Суррейский зоологический сад и устроил для всех пикник на краю дороги, которая в те дни не была такой грязной. Дети и их бородатый почтенный директор, сидящие на траве у дороги за совместной трапезой — наверное, это было удивительное зрелище. В 1847 году в школе училось 419 мальчиков и 276 девочек. К 1853 число девочек возросло до 500. С 1850 JFS была самым большим учебным заведением в Соединенном Королевстве. К 1870 году в ней было 2400 учеников, наверное, она была самой большой школой в мире, и ее не могли игнорировать (и не игнорировали) не евреи. Она до сих пор процветает как смешанная единая средняя школа в Харроу для детей ортодоксов-иудеев, в ней учится 1500 учеников в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет.

Если ваш отец был франкмасоном, переживающим тяжелые времена, а вам как раз исполнилось восемь лет, вы могли обратиться к франкмасонам за помощью в оплате школьного обучения²⁴. Масонская благотворительная школа для девочек» была основана в 1788. Начиная с 1850 она находилась в Уандсворте, который тогда был «открытой местностью, обильно снабжавшейся водой... куда легко было попасть по железной дороге [неподалеку от железнодорожной станции Клапам] или по шоссе». Школьная форма состояла из длинного синего саржевого платья зимой и летом — вероятно, оно линяло, — белого фартука и чепца с оборками, соломенного капора и плаща для тех редких случаев, когда девочка покидала школьное помещение. У каждой девочки было по четыре смены одежды и ботинки с патенами (железные платформы под ботинки, чтобы предохранить их от изнашивания, и чтобы не давать длинной юбке волочиться по грязи). Когда девочки вырастали, их платья передавались млад-

шим, и каждая девочка должна была как следует чинить свое платье.

Родительские визиты не приветствовались. Каникул не существовало до 1853, когда девочкам вдруг предоставили шестинедельные каникулы, распределенные на зиму и лето, что иногда бывало довольно затруднительно для нищих родителей, — как в теперешних долгих школьных каникулах для родителей есть и положительные, и отрицательные стороны. У школы был небольшой доход от «простого шитья» — изготовления рубашек и женских сорочек от 2 шиллингов 3 пенсов до 3 шиллингов — но в 1856 году власти сочли, что это сбивает цену белошвейкам, которые зарабатывали себе на жизнь шитьем, и эти работы прекратились. Еда была для того времени очень хорошей — каждый день на обед давали мясо и овощи, — но кроме этого девочки получали из еды только хлеб с маслом на завтрак и чай.

Они ходили в церковь два раза по воскресеньям, в Страстную пятницу, на Рождество и в годовщину основания школы и должны были знать катехизис и ежедневную краткую молитву в обедню: не такое уж бремя по тем временам. Наряду с «обязанностями по дому» девочек учили чтению, письму, арифметике, шитью, а с 1858 еще и французскому, рисованию и музыке (игре на пианино), что было востребованными навыками для работы гувернантки. Нормы обучения были высоки: в 1868 году школа послала шесть кандидаток в Кембридж, в школу при колледже, и все они прошли экзамены.

Королевское масонское учебное заведение для мальчиков было основано на десять лет позже, чем школа для девочек. Сначала мальчиков отдавали в школы поблизости от дома, но в 1857 для них была построена школа в Вуд-Грин. К 1865 в ней учились 100 мальчиков, преподавали всего два учителя. Там изучали греческий, латинский, французский, немецкий, математику, историю и географию. Занятия начинались в 6 утра, один часовой урок проводился до завтрака — два куса хлеба, слепленные между собой кусочком масла, и разбавленное молоко или какао, — затем занятия до обеда в 12.30. После обеда было время «отдыха» — школа увлекалась крикетом — до чая в 4.30, такого же, как завтрак, затем свободное время до 6 вечера, когда мальчики готовились к урокам на следующий день. В постель ложились в 8.30. Директор был ярым сторонником порки.

²⁴ Cowburn Lorna. Polished Cornerstones, London, 2001. — Я очень благодарна библиотекарям масонской ложи за их любезную помощь.

***

Система профессиональной подготовки продолжала действовать. «Практиканты» были официально обязаны находиться в ученичестве в течение пяти лет. В 1858 году у «Компании перевозчиков людей и грузов по Темзе» было 2140 учеников²⁵. Если они отработывали свое время и становились полноправными членами корпорации, им были обеспечены средства к существованию. Те, кто в переписи именовались «торговцами», часто тоже были учениками. Удивительно, сколько сохранилось от официального Двустороннего договора об ученичестве, относящегося к шестнадцатому веку, в договорах девятнадцатого века²⁶.

[В течение шести- или семилетнего срока] ученик должен верно служить своим Мастерам, с радостью выполняя их законные приказания... в означенный период он не должен заключать брачного контракта, не должен играть в карты или в кости... не должен посещать таверны или театры, не должен незаконно отсутствовать днем или ночью у своих означенных мастеров... [его отец] обязан обеспечить, ...чтобы означенный сын в течение означенного периода был умыт, одет, получал надлежащее медицинское обслуживание и все остальное, а также ... [Мастеров], берущих на себя обязательство обучать означенного ученика искусству драпировщика... и что означенного ученика достаточно кормят, поят и предоставляют ему жилье...²⁷

Иными словами, отец должен платить за его содержание, а сын ничего не зарабатывает в течение шести лет: заметное бремя для семьи.

²⁵ Humpherus Henry. *History of the Origin and Progress of the Company of Watermen and Lightermen of the River Thames*, ed. By Jack King, J. L. Dawson, W. Barrett and W.B.G. Wilson, reprinted 1999, Lavenham, Suffolk. Компания до сих пор держит учеников и ограничивает свое членство теми, кто работает на реке, в отличие от некоторых «ливрейных компаний», которые отклонились от своих первоначальных функций. Это одна из двух компаний, которые, строго говоря, не являются «ливрейными компаниями», поскольку у них нет ливреи или парадной формы, другая это Компания приходских клерков.

²⁶ Об этом см. в моей книге: *Elizabeth's London*. London, 2003.

²⁷ Взято из Договора ученичества, любезно предоставленного мне Архивистским товариществом Джона Льюиса. Он датирован 1885 и касается Бейнбриджа из Ньюкасла, но я посчитала его типичным для лондонского ученичества несколько более раннего периода. Записи лондонского учреждения Товарищества были уничтожены в войну.

Портные, которые шили дешевую одежду, брали учеников из работных домов и из домов для бедных ради вознаграждения в 5 фунтов за каждого мальчика. «Нам не платили денег — только стол, жилье и одежда. Из семи [связанных договором в тот же период, что и рассказчик] только один отработал весь срок»²⁸. Число учеников, которых мог взять мастер, не ограничивалось. У одного мастера, столяра-краснодеревщика, было одиннадцать учеников. Это был полезный для мастера источник дешевой рабочей силы. Наверное, немногие выдерживали весь срок до конца. Но ученик мастера, состоявшего в Объединенном обществе инженеров, специалиста в новых областях гражданской инженерии и постройки железных дорог, получал ценные, пользующиеся спросом навыки, потребность в которых не уменьшалась, скорее всего, был на правильном пути²⁹.

***

Школа лондонского Сити была основана на Милк-стрит, в сердце Сити, в 1835 году. Сначала в ней учились сыновья свободных граждан и домовладельцев Сити, но скоро она расширилась, поскольку в нее смогли войти сыновья профессионального, торгового или промышленного люда, которые могли представить рекомендацию олдермена Сити или членов муниципального совета Сити. Они могли быть англичанами или диссидентами, католиками или иудеями, никаких религиозных барьеров не было. Учебная программа включала классические языки, но также и изучение Шекспира — что необыкновенно для того времени, — современные языки, пение, счетоводство, химию «и другие отрасли экспериментальной философии» и как факультативные предметы иврит, физику и логику — все это за годовую плату всего 12 фунтов. К 1861 году там было 640 мальчиков³⁰. Школы, созданные на фонды средневековых Ливрейных компаний, таких как Гильдии торговцев шелком и бархатом и Гильдии портных, были меньше: 70 и 260 мальчиков соответственно. При недавно основанных Университи-колледже и Кингз-колледже были свои школы, привлекавшие учеников из про-

²⁸ Thompson and Yeo, op. cit.

²⁹ Wright T. s.n. *The Journeyman Engineer. The Great Unwashed*. London, 1868.

³⁰ Douglas-Smith A.E. *The City of London School*. Oxford, 1965. — Экземпляр этой книги был великодушно подарен мне архивистом Школы.

фессиональных и деловых кругов. Школа при Кингз-колледже в начале 1850-х насчитывала 600 учеников³¹.

Старинные лондонские школы Сент-Полз, Чартерхауз и Вестминстер следовали своему обычному образу жизни, их не затрагивали современные преобразования. Директор Вестминстерской школы утверждал, что половина его учеников шестого класса может читать Ксенофонта с листа. (Может быть, именно это побудило королеву Викторию, которая отнюдь не была филологом-классиком, предупредить Гладстона о том, что образование портит здоровье высшего общества)³². Директор школы докладывал Парламентской комиссии, инспектирующей публичные школы в 1868:

Целью учителя должно быть проведение такого обучения, которое может наилучшим образом дисциплинировать способности [мальчиков] для задач, которые им предстоят, какими бы они ни были, и для этой цели ни одна система не кажется мне столь эффективной, как та, что берет за основу грамматическое и логическое изучение языка и литературы древней Греции и Рима, к чему должен быть добавлен изрядный объем знаний по истории, географии и современным языкам.

Остается только надеяться, что в «литературе древней Греции» учителя пропускали восхваления Платоном однополый любви. «Современные языки» ограничивались французским. «Несколько мальчиков, учивших французский в детстве или собравшихся поехать путешествовать за границу, поддерживали и совершенствовали свои знания. Остальные пренебрегали этим предметом... необходимо, чтобы учитель был французом по рождению... ему наверняка покажется трудной задачей обучение английских мальчиков».

Можно только от души пожалеть бедного француза.

***

Для взрослых работающих людей, не реализовавших свои интеллектуальные возможности, существовали бесчисленные вечерние занятия и образовательные учреждения, например,

Лондонский институт механики, основанный в 1823 году Френсисом Плейсом и доктором Джорджем Беркбеком в Сити (впоследствии Беркбек-Колледж), где предлагались курсы научных предметов, латыни и стенографии и училось 1000 человек (к 1850 было 650 учебных заведений, где изучали механику), а также Рабочий колледж, основанный в 1854 году на Ред-Лайон-сквер, где программа была во многом такой же. Вызывает удивление, почему в программу включена латынь. Она кажется совершенно бесполезным предметом для проработавшего долгий день человека. Возможно, здесь было желание сравняться с «вышестоящими». Манби, этот необычный человек, оставивший дневники, человек, жизнь которого проходила в двух мирах: работающих женщин и лондонских артистических кругах, — преподавал латынь в Рабочем колледже³³. Его возлюбленная — и, в конце концов, жена — Ханна Калвик, учила французский в открывшемся на Куин-сквер Колледже для работающих женщин: для учительниц, продавщиц и даже служанок.

В 1838 году на Риджент-стрит открылся Политехнический институт «для людей, владеющих основами прикладных наук». Сначала это было довольно смешанный набор практических экспериментов, в цокольном этаже был даже глубокий пруд, чтобы погружаться туда в водолазном колоколе. Человек, посетивший институт в 1859 году, «прослушал лекцию по химии, исполнение комических песен, наблюдал погружение в водолазном колоколе и посмотрел несколько «туманных картин»³⁴. К 1861 под руководством того же Куинтина Хогга, который в юности занимался школами для бедных, институт давал пристанище Столичным вечерним классам (впоследствии Колледж лондонского Сити), где 900 человек обучались различным предметам, от современных иностранных языков до стенографии и счетоводства. (Теперь это Университет Вестминстера).

Если не было денег на посещение лекций, в Лондоне можно было найти много способов заняться самообразованием. Натаниел Готорн, посещая Британский музей в третий раз («человек буквально подавлен, когда видит так много за один раз»), замечает: «во всех залах я видел

³¹ Неопубликованный дневник Роберта Джеймса Ли, MS 3224, Wellcome Institute, упомянутый в книге: Creaton Heater. Unpublished London Diaries. London, 2003.

³² Young G.M. Portrait of an age. London, 1977.

³³ Hudson D. Munby: Man of Two Worlds. London, 1972.

³⁴ Неопубликованный дневник Дж.А. Паттерсона, Wellcome Institute MS 73537, упомянутый в книге Creaton, op. cit.

людей «из низов», некоторые из них, казалось, рассматривают экспонаты с пониманием и с неподдельным интересом. Бедный человек в Лондоне обладает возможностями развиваться... Я видел здесь много детей, в том числе оборванцев»³⁵.

Обучение девочек выходило за рамки исключительно домашней сферы. Куинз-Колледж на Харли-стрит был основан Благотворительным обществом гувернанток в 1848 году для девочек старше 12 лет, чтобы дать будущим гувернанткам официально признанное образование и статус. Здесь не учили «декоративному рукоделию». Среди обучавшихся здесь была замечательная пара, мисс Басс, которая впоследствии стала директрисой Челтнемского женского колледжа, и мисс Бил, ставшая в 1850 году директрисой Коллегиальной школы Северного Лондона, где «можно было получить передовое образование и за очень умеренную плату приобрести необходимые благовоспитанной девице достоинства». Программа школы включала латынь и естественные науки.

В 1848 на Бедфорд-сквер был открыт Ледиз-Колледж, «современное учебное заведение, востребованное и, можно надеяться, успешное»³⁶. Но в 1867 году в одном из бесчисленных рапортов Избранного комитета все еще высказывалось сожаление: общий недостаток образования девочек... отсутствие полноты знаний... отсутствие системы; небрежность и явная поверхностность, невнимание к начаткам знаний; избыток времени для выполнения заданий... образованная мать даже более важна для семьи, чем образованный отец... [в среднем классе] большая часть трудов по обеспечению средств существования возложена на мужа... женой, приученной к другой жизни, в которой есть лишь мягкость и доброжелательность»³⁷.

***

Законы о публичных библиотеках 1850 и 1855 гг. разрешали приходским советам строить и оборудовать библиотеки, но эта возможность

редко воплощалась в жизнь. В то же время, частные платные библиотеки процветали. Огромный успех имела библиотека Мьюди с выдачей книг на дом. Она открылась в 1840 году на Кинг-стрит, в Блумсбери, для абонентов, плативших 1 гинею в год. Средние классы встретили ее появление с энтузиазмом. К 1852 году она переехала на Нью-Оксфорд-стрит, имея 25000 абонентов. К 1861 ей пришлось перебраться в новое здание на той же Нью-Оксфорд-стрит, чтобы разместить свои 800 000 книг. Почти половину выдаваемых книг составляла художественная литература, 28% — историческая и биографическая литература и 13% — книги о путешествиях и приключениях.

В 1841 на Пэлл-Мэлл открылась Лондонская библиотека, которая спустя четыре года переехала в свое теперешнее здание на Сент-Джеймс-сквер. Инициатором ее создания был Томас Карлейль, которому надоело дожидаться книг, которые он хотел прочесть, в Британском музее. Ее цели были сформулированы следующим образом: «широкий выбор хороших книг по всем отраслям знания. Книги легких литературных жанров и новые книги должны быть непременно включены, иначе библиотека не будет полной; но книги не должны покупаться только потому, что они новые, к тому же в отношении легкой литературы необходимы ограничения, потому что большей ее запас существует в обычных абонементных библиотеках» — таких, как библиотека Мьюди. Лондонская библиотека остается прекрасным примером всего лучшего, что было в викторианской учености. Самым главным ее достоинством было то, что абонент мог взять сразу столько книг, сколько — в разумных пределах — ему было нужно, и мирно читать их дома. Время на чтение отмерялось щедро, после чего читателю посылали запрос в тоне мягкой укоризны или чуть более настойчивую просьбу вернуть книгу, нужную другому читателю. Входная дверь в библиотеку даже в наше бдительное время кажется воплощением викторианской надежности в красном дереве.

Лондонский университет возник в 1828 как Юниверсити-Колледж, для диссидентов, не допустившихся в старинные университеты Оксфорда и Кембриджа. Кингз-Колледж открылся годом позже как ответ англиканской церкви. В 1836 году оба колледжа объединились в Лондонский университет для «всех классов и вероисповеданий» кроме, разумеется, женщин, которым не разрешалось сдавать

³⁵ Baron Xavir, London 1066-1914, Robertsbridge, East Sussex, 1997: фрагменты из: Hawthorne Nathaniel. The English Notebooks и из Our Old Home опубликованы 1863.

³⁶ Cunningham Peter. Handbook of London, 1850 (2nd edn).

³⁷ The Taunton Comission. Это может вызвать ироническую улыбку у сегодняшних женщин с профессиональным образованием, ловко управляющихся с мужем, детьми, домом, офисом и продвижением по служебной лестнице. Мягкости и доброжелательности сейчас иногда не хватает.

экзамены на степень бакалавра до 1878. Сфера образования распространилась от исключительно Оксфорда и Кембриджа на весь Лондон, где можно было получить прекрасное медицинское образование в клиниках. Кроме того, узаконенное обучение вели «Судебные Инны», а получить профессию можно было в специальных училищах.

***

Успех викторианского стремления к образованию виден в цифрах проводившихся каждые десять лет переписей. В 1845 году 33% мужчин и 49% женщин были неграмотны. К 1871 эти цифры снизились до 19 и 26 процентов: несомненно, выдающееся достижение³⁸.

Список литературы:

1. Burnett John. *Destiny Obscure* [text]. London, 1982.
2. Gerry Black J.F.S. *The History of the Jews' Free School since 1732* [text]. London, 1998.
3. Kay-Shuttleworth James. *Four Periods of Public Education* [text]. London, 1862.
4. Lawson John. *A Social History of Education in England* [text]. London, 1973.
5. Mattew Arnold. *Report on Elementary Schools 1852-82* [text]. London, 1908.

References (transliteration):

1. Burnett John. *Destiny Obscure* [text]. London, 1982.
2. Gerry Black J.F.S. *The History of the Jews' Free School since 1732* [text]. London, 1998.
3. Kay-Shuttleworth James. *Four Periods of Public Education* [text]. London, 1862.
4. Lawson John. *A Social History of Education in England* [text]. London, 1973.
5. Mattew Arnold. *Report on Elementary Schools 1852-82* [text]. London, 1908.

---

³⁸ Newsome David. *The Victorian World Picture*. London, 1997.